

единственно торговые цели и имела в досталь хлопот, охраняя свои левантинские владения.

Таким образом, латинское царство оставалось без прочной связи с Европой, да и ленная его связь с греческими франкскими государствами не выходила за пределы абстракции. Феодалная система оказывалась бессильной заступить место неограниченной византийской монархии, которая, несмотря ни на какие потрясения, целые сотни лет проявляла способности сплачивать массы отдельных стран и различных народов около одного центра, Константинополя. Все коренные условия государственной связи — единство церкви, законодательства и национального правительства — были франками насильственно упразднены. Отдельные части случайно создавшегося и неудачного феодалного государства не объединялись никаким общим органическим началом. Поэтому греческие острова, с их франкскими династами во главе, и ленные государства на материке очень скоро отделили свои судьбы от рока погибшей Византийской империи.

Благодаря мощи и умеренности первых франкских государей жизнеспособный государственный строй установился единственно в древнегреческих землях. Вообще, опыт насаждения латинских колонизаций и феодалного строя сопровождался успехом лишь в сравнительно малоземельных областях. Вселившиеся бароны были там широко наделены наследственной поземельной собственностью, и, так как с течением времени для личного их честолюбия и жажды деятельности дальнейшего простора не оказывалось, то взаимная выгода в интересах поддержания в неприкосновенности владений побуждала их тесно сближаться с их государем и сюзереном. Равным образом установить и непрерывное общение с Западом для франкских государств в Греции оказывалось делом более легким, нежели для отдаленного Константинополя, находившегося под вечной угрозой гибели, или для влахернского (Blachenien) императорского двора, удручаемого задолженностью. Многочисленные младшие сыновья именитых родов Шампаньи и Бургундии переплывали через моря в Афины и Андравида и по-